

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 321.7

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-7-23

Демократия и демократический транзит в исторической ретроспективе

Велихан С. Мирзеханов

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия, lum62@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению сложного комплекса проблем, связанных с идеями демократии и практиками демократического транзита в зеркале Новейшей истории. Автор отталкивается от того, что утрата геополитической биполярности привела к активизации усилий по формированию нового мирового порядка, политической формой которого стала демократия. При этом современное политическое развитие идет по множеству разнонаправленных траекторий. Демократизация не является неким нормативным, однолинейным и поступательным процессом.

В работе предпринимается попытка проанализировать такие базовые понятия, как «демократия», «разумное правление», «права человека», применительно к западным обществам и выработать адекватную методологию исследования путей общественно-политического развития современных государств. Выявляются особенности правления и функционирования власти, устанавливаются формы взаимодействия социокультурной среды и политических институтов в посткоммунистических, постколониальных и посттоталитарных государствах.

© Мирзеханов В.С., 2018

Авторская переработка статьи 2003 г. [1], необходимость которой вызвана происходящими на современном этапе глубокими геополитическими трансформациями.

Делается вывод, что XXI век станет свидетелем борьбы демократических и антидемократических тенденций не только в глобальном масштабе, но и, возможно в менее драматических формах, в самих оплотах традиционной демократии.

Ключевые слова: демократия, демократический транзит, переходные общества, политические режимы, реформы

Для цитирования: Мирзеханов В.С. Демократия и демократический транзит в исторической ретроспективе // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 1(11): С. 7–23. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-7-23

Democracy and Democratic Transition in Historical Retrospective

Velikhan S. Mirzekhanov

*Russian Academy of Sciences Institute of World History, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Russian Academy of Sciences Institute of Scientific Information
on Social Sciences, Moscow, Russia, lum62@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of a complex set of problems related to the ideas of democracy and practices of democratic transit in the mirror of Contemporary history. The author proceeds from the fact that the loss of geopolitical bipolarity has led to the intensification of efforts to form a new world order. Democracy has become its political form. At the same time, contemporary political development follows a variety of multidirectional trajectories. Democratization is not a normative, one-line and progressive process.

The author tries to analyze such basic concepts as “democracy”, “good governance”, “human rights” in relation to the non-Western societies, and to develop an adequate methodology to study the ways of social and political development of modern States. He focuses on identifying the peculiarities of governance and the functioning of power, establishes the form of the interaction between the socio-cultural environment and the political institutions in post-Communist, post-colonial and post-totalitarian States.

It is concluded that the 21st century will witness the struggle of democratic and anti-democratic trends not only on a global scale, but perhaps – in less dramatic forms – in the very citadels of traditional democracy.

Keywords: democracy, democratic transit, transitional societies, political regimes, reforms

For citation: Mirzekhanov VS. Church Democracy and Democratic Transition in Historical Retrospective. *RSUH/ RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;1(11):7-23. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-7-23

Мировое политическое развитие многими стало трактоваться в парадигме «демократического транзита» [1–8]. Л. Даймонд назвал такую методологическую установку «телеологическим искушением» [9]. Но сегодня уже вполне очевидно, что современное политическое развитие может идти по множеству разнонаправленных траекторий. Демократизация не является неким нормативным, однолинейным и поступательным процессом.

Утрата геополитической биполярности привела к активизации усилий по формированию нового мирового порядка, политической формой которого становится демократия. В этих условиях модернизация переходных обществ оказывается под все более сильным воздействием Запада и сводится к освоению институтов и норм западной либеральной демократии. Однако процесс этот противоречив и неоднозначен, ибо ни одно из трансформирующихся обществ не в состоянии отрешиться от собственного прошлого, своих традиций и норм политической жизни [1 с. 195].

Сегодня, когда демократия навязывается как универсальная ценность, когда именно с точки зрения демократии осуществляется пересмотр характеристик политических режимов в разных частях мира, важно концептуально переосмыслить всю сложность исторического развития переходных государств.

Рубеж XX–XXI вв. отмечен драматическими событиями в мире. Повсюду – в Азии и Африке, в Европе и на постсоветском пространстве – правящие режимы столкнулись с городскими волнениями, обострением межэтнических противоречий, активизацией религиозности на политической сцене. Во многих случаях произошло крушение однопартийных систем.

В разных странах события эти протекали неодинаково. Суверенные конференции и национальные форумы, установление многопартийности и проведение выборов, имевших порой широкий резонанс, – все это вселяло большие надежды. Однако процесс демократизации сталкивается с трудностями, остается уязвимым, насилие и деспотизм все еще широко распространены [10 р. 555–556]. Политические реформы во многом были инициированы внешними акторами.

В этой связи необходимо проанализировать такие базовые понятия, как «демократия», «разумное правление», «права человека», применительно к незападным обществам и выработать адекватную методологию исследования путей общественно-политического развития современных государств. Не приписывая им какой-либо исключительности, попытаемся выявить особенности правления и функционирования власти, установить формы взаимодействия социокультурной среды и политических институтов в посткоммунистических, постколониальных и посттоталитарных государствах. Попытаемся дистанцироваться от широко распространенных теоретических моделей, претендующих на универсальность и поддерживающих парадигмы однолинейного развития (как марксистских, так и либеральных). Примем идею о том, что мир обладает разными типами скоростей (как это пытался доказать Аристотель вопреки последователям Платона). Отсюда, без сомнения, вытекает вывод, касающийся принципов изучения направлений развития «другого» мира, живущего своей жизнью, даже если в нашем понимании она представляется возмутительной и недостойной [11 р. 13, 12 р. 16–17].

Ф. Линц сделал очевидной эту мысль, приведя эпизод из воспоминаний знаменитого французского ученого-генетика Жана Бернара: «В 1989 г. он был приглашен японскими коллегами на открытие конгресса по биоэтике, где изложил идеи и взгляды Французского национального комитета по этике на проблемы пересадки органов, генетической терапии и т. п. Следующим оратором был буддийский монах высокого ранга, который начал свое выступление со слов о том, что он с большим вниманием прослушал выступление французского коллеги, но он, буддийский священник, не знает о дне своего первого рождения, впрочем, как и второго и третьего. Не имеет он представления также и о том, в каких животных вселялась его душа за время его многочисленных медитаций. Поэтому все эти истории о врачебной этике, исключительности генетики и т. д. совершенно ничего для него не значат» [13 р. 109].

Этот знаменательный эпизод, похожий на анекдот, может быть перенесен и на ревностных защитников «прав человека», «разумного правления» и демократии в мире, которые, искренне желая «географического» сближения различных культур и обществ, плохо чувствуют параметры и символику удаленных (неевропейских) цивилизаций. «Во многих культурах существует постулат о неизбежном неравенстве людей, – справедливо замечает М. Синглетон. – Тот факт, что в них больше говорят о Номо Hierarchicus, чем о Номо Aequalis, вовсе не делает их менее почтительными к правам человека, нежели в западноевропейской цивилизации».

Кроме того, он не уверен, что тот, кого лишают предписаний Всеобщей декларации прав человека, осознает свое положение, и то, что «даже, если кто-то и поможет ему это осознать, еще не говорит о том, что он попытается изменить свое положение – особенно в том направлении, в котором будет выгодно его “попечителям”. И если сегодня мир действительно политически болен, то это не потому, что она (неевропейская цивилизация. – В. М.) не уважает “универсальные ценности”, а скорее потому, что она не разбирается в суррогатах и лжеэтиках, заменивших ее собственные пути развития и внутреннюю логику исторического процесса» [14 р. 62–63].

Все сказанное делает чрезвычайно актуальным вопрос о ритме истории, возникший сравнительно недавно. Нужно скромнее рассуждать о возможном, предполагаемом и тем более о непредвиденном. Новое и непредвиденное можно предугадать, только учитывая взаимодополняемость парадоксального и противоречивого, обманчивого и притворного, временных равновесий и многоуровневых конфликтов. Принимая такие методологические принципы, необходимо отказаться от всяческих идеологических стереотипов и произвольных мыслительных конструкций, от всей predeterminedной схемы идей и мыслей. «Никто не может отрицать, – писал П. Ле Ру, – что большие катастрофы обрушиваются на страны, обладающие всем необходимым, чтобы преуспеть, только потому, что их правители оказываются пленниками неприспособленных схем и идей» [цит. по: 15 р. 66].

Не являются ли «демократия» и «разумное правление» сегодня чем-то вроде той самой непроверенной схемы будущего? Во всяком случае, можно констатировать, что методы использования и применения этих базовых концепций создают серьезные затруднения в академическом мире.

Корпоративный характер политических требований оппозиционеров, абсолютное превосходство социально-политической элиты над обществом, разнородный характер движений протестующих масс, где существуют различные противоречивые городские интересы (от полупролетариев до привилегированных функционеров), – все это усложняет развитие демократии [16 р. 26, 52–53]. Пока еще «разумное правление» и «демократия» продолжают вдохновлять достаточно большую группу ученых и политиков, однако некоторая их часть уже делает акцент на необходимости более углубленных исследований культурных и цивилизационных особенностей, сложных взаимоотношений государства и общества.

Отстаивая такие принципы исследования переходных обществ, мы, тем не менее, сталкиваемся с определенным числом методологических трудностей. Первая из них заключается

в самой интерпретации данного «времени мира», а конкретнее, в утвердившейся недавно вере в некоего рода «конец истории», по выражению Ф. Фукуямы. Согласно этой вере, картина мира ясна, игры истории уже сыграны, даже если огромные геополитические пространства сопротивляются еще господствующей в мире рыночной экономике и либеральной демократии, которые составляют (или обязаны составлять) ось и отправную точку для всех стран, регионов и цивилизаций [17]. И совершенно неважно, что в настоящее время большинству из них на этой орбите скорее плохо, чем хорошо.

Этому воистину прометеевскому видению, которое в итоге только возрождает старые постулаты эволюционистов, марксистских и либеральных, можно противопоставить другую позицию, в которой акцент делается на расколе современности (А. Турен, З. Лаиди), что предполагает в плане геополитики и развития человеческого общества хаос и нарушение общепринятой на Западе системы ценностей [18–20].

Согласно А. Турену, мы присутствуем сегодня при расколе современности, который совершается через ускоряющийся разрыв с рационалистической системой мышления и рационалистической моделью поведения, господствующей в мире с периода Просвещения. Эта модель «не может быть больше интегрирующим принципом культуры; с одной стороны, утверждение Эроса Ницше и Фрейдом против общественного закона и морали; с другой стороны, подъем национальных богов, сопротивляющихся универсализму рынка и денег; с третьей стороны, концентрация промышленных предприятий и банковских империй, лидеров индустриального общества, утверждающих свою волю завоевывать и властвовать, которая выше холодных рекомендаций учебников по менеджменту; наконец, революция желаний, которые уходят из-под общественного контроля, поскольку они больше не ассоциируются с общественной позицией» [18 р. 171].

Причем разрыв поля демократии происходит путем воспроизводства зон традиционализма, сосуществующих с современным динамичным пространством. «Это все потому, что демократия сегодня открыта, потому что она очень интегрирующая и гибкая, потому что изъятие зон патриархальности весьма драматично, в то время как в иерархичном, неподвижном или малоподвижном обществе, как в старом доме, было полно защитных уголков и тайников... Чем больше наше общество становится открытым и равноправным, тем больше оно принимает маргинальность и отклоняется от тех культур, которые живут по другим общественным нормам, несмотря на то, что эти накопленные индивидуальные и коллективные

ценности представляются многим опасными, в особенности при-
верженцам норм и ценностей mainstream» [18 p. 386].

Раскол современности обнаруживается эмпирически и в том, что проявляется сегодня как «расхлябанный мировой порядок», по выражению З. Лаиди. С окончания холодной войны мы видим, как вырисовывается от Нигерии до Индии, пересекая Бразилию, Иран и Китай, рельеф постиндустриального мира, основанный больше на дезорганизации, чем на интеграционных процессах, базирующийся больше на разделенных стратегиях, чем на глобальном мировом проекте [19 p. 33]. Сегодняшний геополитический раскол означает, однако, только то, что мы движемся к некому хаосу и привыкаем к безумию всякого насилия.

Большинство специалистов продолжает противопоставлять ведущие и зависимые страны, как замечает С.Д. Краснер, обращая внимание на стойкость авторитарных режимов по отношению к либеральным, которые ориентированы на рынок [21]. Появляются новые феномены, например исламский фундаментализм, пытающиеся влиять на перестройку общемирового сознания. Теперешнее «мировое время» скорее является временем двойственности, нестабильности и дезорганизации. «Если оформление шкалы общечеловеческих ценностей, сознания в мировом масштабе остается приоритетным для ведущих держав, его истолкование и его выражи уходят все больше и больше от своих инициаторов и эмитентов» [19 p. 38].

В этих условиях важно выяснить, не будут ли далеки от своих идеологов и носителей действия по политическому реформированию и демократизации, не станет ли эта деятельность в конечном итоге только мерами по чистке фасада: многопартийность без демократии, выборы без настоящего выбора... В таком случае «реформирование» и демократический транзит фактически узаконивают старые – новые авторитарные режимы и к тому же обеспечивают старым правящим элитам легитимность «новых» структур, насыщенных явным деспотизмом [22,23].

Вторая методологическая трудность содержится в путанице, которая может возникнуть между теориями «разумного правления» и «демократии». Очень важно различать эти два понятия, которые относятся к разным сферам. Как показывают многочисленные примеры, можно иметь первое без второго. Так, Япония смогла отлично освоить «разумное правление», но при авторитарном и иерархическом режиме: «революция Мэйдзи» была рождена не просвещенной буржуазией, а исходила от самураев, от класса воинов и интеллектуалов, которые захотели восстановить власть микадо (императора) в условиях острого национального кризиса и сумели подавить сепаратизм дайме [24 p. 135–136].

То же самое можно сказать о более современных опытах социальных реформ (Мексика, Турция, Чили, Таиланд, Южная Корея), которые показывают, что экономические успехи никоим образом не связаны с живучестью политического плюрализма и предпринимательского индивидуализма и являются результатом способности авторитарных государственных систем прагматически проводить в жизнь идею «длительного развития» [25–27].

Отметив несовпадение между «разумным правлением» и демократизацией, необходимо также затронуть вопрос о возможности применения в различных обществах понятия «демократия» в его широком значении. Известно, что демократия возникла исторически раньше, чем государственные институты. Нам никуда не уйти от интуитивной токвильевской концепции равенства условий, которое в центре истории. Демократия уходит своими корнями в далекую историю, ее зачатки обнаруживаются уже в «паломниках Бога» августианской мысли и в «общности верующих» пророка Мухаммеда: отныне все люди равны перед Богом, хотя они не равны перед владыками. Отношение к последним кардинально меняется после Великой французской и американской революций. В обоих случаях Декларация прав человека становится основополагающей политической хартией, однако ее положения часто будут нарушаться.

Неравенство условий самовыражения личности характерно для исторического развития целых стран и континентов. Африканцы, арабы, китайцы и др. не знали правовых норм и политических форм, свойственных Западу. Современный уклад был там внедрен принудительно и насильственно, однако скрытый потенциал традиционных обществ сохранился [28 р. 6–9].

Преемственность политической традиции и культуры выражается главным образом в силовых методах управления. Невозможно перечислить всю номенклатуру современных «царьков» в разных регионах мира, утверждающих насилие и жестокость государства, разрастающихся, как корневище, еще в зародыше гражданского общества. «Это контрнасилие здесь, – писал П. Шабаль, – сваливает вину на существующую власть или на ее представителей в обществе, но больше на тех, кто не в состоянии сопротивляться: самый сильный нападает на самого слабого» [29 р. 56–57]. Это объясняет частично размах и остроту всех преступных форм (агрессию, преступность, коррупцию), от которых все больше и больше страдают целые регионы.

Исследуя проблему приложимости демократии к современным реалиям, остановимся на проблеме представительного правления. «Демократия, – пишет А. Турен, – не может существовать, если

выбор между многочисленными управляющими не соответствует защите различных интересов и мнений» [18 р. 382]. Слова «выбор» и «интересы» являются здесь фундаментальными. Можно сколько угодно приумножать партии и выборные органы, назначающие исполнительную власть, но это еще не гарантирует представительство народа и защиту различных интересов и мнений. Во многих странах сегодня не существует других целей, кроме борьбы группировок за ресурсы.

Наконец, европейский (западный) тип демократии предполагает также осознание гражданства и принадлежности к коллективу, основанному на праве, а следовательно, на активном участии в политических выборах. Чтобы избежать неверных интерпретаций, не будем привязывать понятие «гражданин» к понятиям «нация», «народ» или «республика»; предпочтем им концепции участия и ответственности, согласия на суверенитет, заботливое обсуждение общего блага, что предполагает одновременно консенсус, конфликт и компромисс [30].

Кроме «демократических» выборов, развернувшихся повсюду, необходимо понимать, в какой степени участие населения в общественной жизни остается случайным в системах, всегда воспринимаемых как авторитарные, и по отношению к которым население взяло привычку практиковать бесконечную двойственную линию (стратегию) бегства от государства (советского или постсоветского, колониального и постколониального). Историческая глубина, так же как и разнообразие этой стратегии, которую Ж.Ф. Байяр назвал народными формами политических действий, характеризуются не столько повторяющимися мятежами, сколько активным и пассивным сопротивлением по отношению к некоторым экспериментам и политическим практикам [31].

Чтобы говорить о «почве для демократии», нужно действительно задуматься над тем, как она внедряется. Теоретически никто не оспаривает значения демократических принципов правления: разделение ветвей власти, прозрачность выборов, открытость информации и ясность в решениях, развитие и выработка ответственного поведения у вершителей судеб и населения. Можно, тем не менее, удивиться приблизительным оценкам и недоговоркам «тайного пакета», содержание которого больше является идеологическим продуктом, типичным для либеральных и плюралистических доктрин, чем теоретической работой по демократическому транзиту, подходящей для политического и экономического поля различных переходных обществ [32]. Главная проблема, пожалуй, заключается в возрождении кредита доверия населения к власти. Такой же концептуальный вакуум сопровождает понятие

ответственности, определяемой как качество, которым должен обладать любой агент государственной службы. Ответственность кого и перед кем, посредством каких механизмов и в какой власти? Эти вопросы не находят точного ответа в документах международных организаций и программах партий и движений, в которых не содержатся такие аспекты «ответственности», как ответственность перед этнической клиентурой, перед группами давления или представителями олигархических кругов. Что касается разговоров о «законных рамках развития» и о «правовом государстве», то подразумеваемая логика здесь такова: чем больше законов и правил, тем благоприятнее условия для развития. На самом деле многочисленные исследования историков доказывают, что при строительстве рыночной экономики «формальные и законные институты играют менее значительную роль, по сравнению с той, которую могут играть общественные образования и обычные неформальные механизмы» [32 р. 45–46]. Таким образом, для исследования такой обширной проблемы, как политическая демократия, без сомнения, необходим критический анализ всех ее компонентов. Интересные суждения по этому вопросу высказал известный американский ученый В. Остром: «Мы оставили множество идей, которые были определяющими в американском обществе. Мы не знаем и не можем знать, что является самым большим благом для самого большого числа людей. Мы должны открыть наши карты и ввязаться в критическую дискуссию с коллегами по поводу идей создания будущего общества, способного формировать и воспроизводить различные формы человеческого союза. Мы могли бы тогда не допускать проблематичных ситуаций вместо того, чтобы стараться их разрешать. Я сомневаюсь, что демократии смогут пойти дальше» [33 р. 18–19].

Власть необходимо корректно исследовать, чтобы не видеть ее там, где ее нет. Государственная власть в странах Африки, Азии, Латинской Америки, постсоветского ареала и др. необязательно диктаторская, еще менее тоталитарная, это не диктатуры в классическом значении этого понятия... Можно даже выдвинуть тезис об «отсутствии» власти в западном смысле во многих государствах незападной традиции [34 р. 174, 176].

Эти государства сохранили старую традицию, в них наблюдается относительно слабое проникновение административных институтов и структур в повседневную жизнь людей и наличие широких «зон неопределенности», как выразился М. Крозье [35]. В них установилась вертикально иерархизированная структура власти и общества. Вертикально иерархизированное государство, которое не обладает горизонтальными связями, – это преимущественно

латентное, отсутствующее государство. Там, где власть вынуждена постоянно наращивать механизм контроля за контролем, разрывы по вертикали между социумом и структурами власти неизбежны. Они и будут заполняться нелегитимными структурами управления, в частности мафией [36, 37 р. 102–103].

В некоторых слаборазвитых авторитарных странах правители скрывают свою ипохондрию, формируя учреждения, легитимизирующие безумие: дома сумасшедших, тюрьмы, «специализированные центры», где живут в тесном соседстве репрессии, безумие и, в конечном итоге, – смерть. Обложенный, с одной стороны, безумием и репрессиями, а с другой – голодом и нищетой, бесправный народ обнаруживает симптомы ненависти, апатии и страха, которые разрушают его идентичность [38].

В этом театре двойных стандартов, абсурда и политиканства главные действующие лица постоянно апеллируют к народу, чтобы захватить и удержать власть. Причем к народу обращаются за поддержкой и правители, и оппозиционеры. Согласно У. Ониябади, этот народ не может быть арбитром конфликта: «Он не только невежественный, но и очень циничный. Скажите ему, что этот человек использовал свой пост для самообогащения, и он спросит, кто вы такой, чтобы выплевывать сочный кусок, который положила вам в рот фортуна» [39 р. 2].

Здесь нет безумия, которое убивает; но есть сладко-горькое безумие, когда успех любого дела, предприятия определяется словами и покоится на языке с двойным подтекстом, на несоизмеримости и особенно на магии опоры, упоминания «мой народ». Везде, в любых ситуациях власти предрежающие предпочитают говорить «от имени народа».

«Есть слова, которые не обладают больше никаким политическим смыслом, – пишет по этому поводу публицист Л.М. Йоке. – Это прежде всего слово “народ”... которое в устах политиков побивает рекорд за рекордом по статистике манипулирования им. Народ, следовательно, становится нематериальной реальностью, бесформенной массой, которой можно придать форму в соответствии с политической ситуацией... Этот мифический народ становится то магическим вдохновителем, то источником всех бед. Народ похож на персонаж Годо, загадочный персонаж, о котором все говорят с жадностью, которого все ждут как мессию, но который остается всегда недоступным» [40]. Власть не оценивается через такие векторы, как «демократия» или «разумное правление». Конечно, были некоторые попытки пойти в этом направлении, но абсолютно преобладали совсем другие траектории политического развития, другие стандарты управления.

Сегодня средства массовой информации, интеллектуалы стремятся стимулировать прозрачность, ответственность и другие достоинства кандидатов, идущих на смену нынешним правителям. Но зададимся вопросом: поиск «ответственных политиков» действительно ли идет и определен народом? Меньше всего можно быть уверенным в этом.

Демократия нередко оказывается не только все более признаваемой в глобальном масштабе ценностью, но и чем-то навязываемым извне. Реакция традиционных демократий на «недемократическое окружение» может принимать явно недемократический характер (миграционные барьеры, агрессия культурных образцов, даже попытки силой распространять демократию, что способно вызвать отторжение) [41].

Процессы демократизации в развивающихся странах далеко не однолинейны: они чреваты поверхностной имитацией парламентских и партийных образцов, возникновением псевдодемократических и «гибридных» режимов. В условиях глобализации нельзя сбрасывать со счета и возможность обратного влияния на традиционные демократии со стороны «полудемократий» с их опытом клиентелизма, клановости, популизма, более грубых форм манипулирования, превращения партий в декорацию, маскирующую власть элиты, «засорения» гражданского общества этнопартикуляристскими структурами [8].

Это тем более так, что демократические механизмы в развитых странах испытывают большое напряжение. Партийно-парламентские институты, возникшие в более раннюю эпоху, не всегда оказываются в достаточной мере адекватными современным условиям. Упрочение демократических процедур часто сопровождается ограничением реального демократического участия и контроля. Дополняющее (и частично оттесняющее) парламентскую демократию функциональное представительство страдает недостаточной сбалансированностью, прозрачностью и эгалитарностью [8].

Серьезные сложности вызывает в целом позитивный процесс диверсификации уровней управления и политических акторов. Снижение удельного веса национальных государств в управлении уменьшает действенность многих наработанных механизмов демократического участия и контроля, а система наднациональных органов не обладает (пока?) столь же развитыми аналогичными механизмами. Усиление значимости региональных и локальных форм управления лишь частично компенсирует этот фактор [42].

Отражением всех этих сложностей на уровне гражданского общества во многом является рост отчуждения от парламентских

институтов и политической пассивности. Серьезную проблему составляет интеграция в общество маргинализированного меньшинства и особенно растущей массы инокультурных иммигрантов, в целом – определенное ослабление социальной сплоченности (cohesion).

В развитых странах делается немало для решения такого рода проблем (развитие различных форм самоорганизации и самодеятельности на уровне комьюнити, популяризация идей «рефлектирующей демократии», постепенная демократизация структур ЕС и т. д.). Однако проблемы остаются. В какой-то мере осложняет дело само преодоление или смягчение конфликтов, порожденных традиционным и раннесовременным обществами и создававших в прошлом социальный и нравственно-этический импульс для возникновения и совершенствования демократии. Достаточно ли для дальнейшего развития демократии здравого смысла, основанного на признании демократических ценностей, – покажет будущее. В любом случае ХХI век станет свидетелем борьбы демократических и антидемократических тенденций не только в глобальном масштабе, но и, возможно, в менее драматических формах, в самих оплотах традиционной демократии.

Финансирование

Статья выполнена при поддержке РНФ. Проект № 15-18-00135-П «Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и мировой опыт формирования общегражданской идентичности».

Funding

The article was supported by the RSF. Project № 15-18-00135-P “Individual, ethnos, religion in the process of intercultural interaction: Russian and world experience in the formation of common citizenship”.

Литература

1. Мурзаханов В.С. Власть, демократия и «разумное правление» в переходных обществах // Логос. 2003. № 4–5 (39). С. 195–205.
2. Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы: Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций // Полис. 2004. № 2. С. 6–27.
3. Мельвиль А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. 2004. № 2. С. 64–75.
4. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты: теоретико-методологические и прикладные аспекты. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. 106 с.

5. *Burawoy M.* Transition without Transformation: Russia's Involuntary Road to Capitalism // *East European Politics and Societies*. 2001. Vol. 15. № 2. P. 269–290.
6. *Gill G.* The Dynamics of Democratization. Elites, Civil Society and the Transition Process. London: Macmillan Press, 2000. 242 p.
7. *Linz J., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore-London: Johns Hopkins University Press, 1996. 485 p.
8. *Waldron-Moore P.* Eastern Europe at the crossroads of democratic transition // *Comparative Political Studies*. 1999. Vol. 32. № 1. P. 32–62.
9. *Даймонд Л.* Прошла ли «третья волна» демократизации? // *Полис*. 1999. № 1. С. 10–25.
10. *Makinda S.M.* Democracy and Multiparty Politics in Africa // *The Journal of Modern African Studies*. 1996. Vol. 34. № 4. P. 555–573.
11. *Allison L.* On the Gap between Theories of Democracy and Theories of Democratization // *Democratization*. 1994. Vol. 1. P. 8–26.
12. *Mbembe A.* Déconfiture de l'Etat et risques de la “transition démocratique” // *Le Monde Diplomatique*. 1993. № 470. P. 16–17.
13. *Linz F.* L'interview // *La Revue Nouvelle*. 1993. № 3. P. 109.
14. *Singleton M.* De la connaissance sociologique à la reconnaissance des droits de l'homme *Politiques de Population* // *Etudes et Documents*. 1991. Vol. 4. № 4. P. 62–63.
15. *La République sud-africaine.* Etat des lieux. Paris: IFRA – Karthala – MSHA, 1993. 244 p.
16. *Hyden G., Bratton M.* Governance and Politics in Africa. London: Linne Rienner Publishers, 1992. 329 p.
17. *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. London: Tidliger, 1992. 418 p.
18. *Touraine A.* Critique de la modernité. Paris: Fayard, 1992. 462 p.
19. *Làïdi Z. et al.* L'ordre mondiale relâché. Sens et puissance après la guerre froide. Paris: Presses de la Fondation nationale des sciences politiques et Berg, 1992. 263 p.
20. *Badie B., Smouts M.-C.* Le retournement du monde. Sociologie de la Scène internationale. Paris: Presses de la FNSP et Dalloz, 1992.
21. *Krasner S. D.* Structural Conflict. The Third World against Global Liberalism. Berkeley: University of Carolina Press, 1985. 379 p.
22. *Daloz J.-P., Quantin P.* Transitions démocratiques africaines. Dynamiques et contraintes (1990–1994). Paris: Karthala, 1997. 313 p.
23. *Strickon A., Greenfield S.* Structure and Process in Latin America: Patronage, Clientage and Power Systems. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1972. 256 p.
24. *Morishima M.* Capitalisme et confucianisme. Technologie occidentale et ethnique japonaise. Paris: Flammarion, 1987. 324 p.
25. *Collier D.* The New Authoritarianism in Latin America. N.J.: Princeton University Press, 1979. 459 p.
26. *Plattner M.F.* From Liberalism to Illiberal Democracy // *Journal of Democracy*. 1999. Vol. 10. № 3. P. 121–134.
27. *Dahl R.* A Democratic Paradox? // *Political Science Quarterly*. 2000. Vol. 15. № 1. P. 35–40.
28. *Gibbon P., Bangura Y., Ofstad A.* Authoritarianism, Democracy and Adjustment. Uppsala: The Scandinavian Institute of African Studies, 1992. 236 p.

29. Chabal P. Pouvoir et violence en Afrique post-coloniale // *Politique Africaine*. 1991. № 42. P. 51–64.
30. Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // *Логос*. 2003. № 4–5 (39). С. 136–152.
31. Bayart J. F. L'énonciation de la politique. Modes populaires d'action politique // *Revue française de science politique*. 1985. Vol. 35. № 3. P. 343–373.
32. The World Bank. Governance and Development. Washington, 1992. 62 p.
33. Ostrom V. Democracy, Governance and Development // Workshop on Democracy and Governance: Proceedings. Burlington, VT: Associates in Rural Development, 1991. P. 18–19.
34. Darbon D. Administration et Société // *Les Afriques politiques*. Paris: Éditions la Découverte, 1991. P. 172–185.
35. Crozier M., Huntington S.P., Watanuki J. The Crisis of Democracy. N.Y.: New York University Press, 1975. 225 p.
36. Fabian J. Power and Performance. Madison: University of Wisconsin Press, 1990. 314 p.
37. Augé M. Théorie des pouvoirs et idéologie. Etude de casen Côte d'Ivoire. Paris: Hermann, 1975. 439 p.
38. Beti M. L'histoire du fou. Paris: Julliard, 1994. 212 p.
39. Onyebadi U. A Man of the People. London: Heinemann, 1986.
40. Yoga L. M. Elites et société civile // *Le Soft de Finance*. Kinshasa. 1991. 11 nov.
41. Глобализация и Россия: проблемы демократического развития / Отв. ред. Н.В. Загладин, К.Г. Холодковский. М.: ООО «ТИД “Русское слово”», 2004. 496 с.
42. Зуев В. Н. Наднациональный механизм в системе глобального и регионально-го регулирования // *Вестник международных организаций*. 2010. № 4 (30). С. 10–20.

References

1. Mirzekhanov VS. Power, democracy and “good-governance” in transition societies. *Logos*. 2003;4-5(39):195-205. (In Russ.)
2. Karl TL., Schmitter F. Democratization: concepts, postulates, hypotheses. Reflections on the applicability of transitological paradigm in the study of postcommunist transformations. *Polis*. 2004;2:6–27. (In Russ.)
3. Melville AY. On trajectories of postcommunist transformations. *Polis*. 2004;2:64-75. (In Russ.)
4. Melville AY. Democratic transits: theoretical, methodological and applied aspects. Moscow: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond Publ.; 1999. 106 p. (In Russ.)
5. Burawoy M. Transition without Transformation: Russia's Involutionary Road to Capitalism. *East European Politics and Societies*. 2001;15(2):269-90.
6. Gill G. The Dynamics of Democratization. Elites, Civil Society and the Transition Process. London: Macmillan Press, 2000. 242 p.
7. Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore-London: Johns Hopkins University Press; 1996. 485 p.

8. Waldron-Moore P. Eastern Europe at the crossroads of democratic transition. *Comparative Political Studies*. 1999; 32(1):32-62.
9. Diamond L. Is the Third Wave Over? *Polis*. 1999;1:10-25.
10. Makinda SM. Democracy and Multiparty Politics in Africa. *The Journal of Modern African Studies*. 1996;34(4):555-73.
11. Allison L. On the Gap between Theories of Democracy and Theories of Democratization. *Democratization*. 1994;1:8-26.
13. Mbembe A. Déconfiture de l'Etat et risques de la "transition démocratique". *Le Monde Diplomatique*. 1993;470:16-7.
14. Linz F. L'interview. *La Revue Nouvelle*. 1993;3:109.
15. Singleton M. De la connaissance sociologique à la reconnaissance des droits de l'homme Politiques de Population. Population. *Etudes et Documents*. 1991;4(4):62-3.
16. La République sud-africaine. Etat des lieux. Paris: IFRA – Karthala – MSHA Publ.; 1993. 244 p.
17. Hyden G., Bratton M. Governance and Politics in Africa. London: Linne Rienner Publ.; 1992. 329 p.
18. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. London: Tidligere Publ.; 1992. 418 p.
19. Touraine A. Critique de la modernité. Paris: Fayard, 1992. 462 p.
20. Lâidi Z. et al. L'ordre mondiale relâché. Sens et puissance après la guerre froide. Paris: Presses de la Fondation nationale des sciences politiques et Berg Publ.; 1992. 263 p.
21. Badie B., Smouts M.-C. Le retournement du monde. Sociologie de la Scène internationale. Paris: Presses de la FNSP et Dalloz Publ.; 1992.
22. Krasner SD. Structural Conflict. The Third World against Global Liberalism. Berkeley: University of Carolina Press Publ.; 1985. 379 p.
23. Daloz J.-P., Quantin P. Transitions démocratiques africaines. Dynamiques et contraintes (1990–1994). Paris: Karthala Publ.; 1997. 313 p.
24. Strickton A., Greenfield S. Structure and Process in Latin America: Patronage, Clientage and Power Systems. Albuquerque: Univ. of New Mexico Press Publ.; 1972. 256 p.
25. Morishima M. Capitalisme et confucianisme. Technologie occidentale et éthique japonaise. Paris: Flammarion Publ.; 1987. 324 p.
26. Collier D. The New Authoritarianism in Latin America. Paris: Flammarion Publ.; 1987. 324 p.
27. Plattner MF. From Liberalism to Illiberal Democracy. *Journal of Democracy*. 1999;10(3):121-34.
28. Dahl R. A Democratic Paradox? *Political Science Quarterly*. 2000;15(1):35-40.
29. Gibbon P., Bangura Y., Ofstad A. Authoritarianism, Democracy and Adjustment. Uppsala: The Scandinavian Institute of African Studies Publ.; 1992. 236 p.
30. Chabal P. Pouvoir et violence en Afrique post-coloniale. *Politique Africaine*. 1991;42:51-64.
31. Habermas J. Post-national constellation and the future of democracy. *Logos*. 2003;4-5(39):136-52.

32. Bayart JF. L'énonciation de la politique. Modes populaires d'action politique. *Revue française de science politique*. 1985;35(3):343-73.
33. The World Bank. Governance and Development. Washington, 1992. 62 p.
34. Ostrom V. Democracy, Governance and Development // Workshop on Democracy and Governance: Proceedings. V: Workshop on Democracy and Governance: Proceedings. Burlington, VT: Associates in Rural Development Publ.; 1991. P. 18–19.
35. Darbon D. Administration et Société. V: Les Afriques politiques. Paris: Éditions la Découverte Publ.; 1991. P. 172–185.
36. Crozier M., Huntington SP., Watanuki J. The Crisis of Democracy. New York: New York University Press Publ.; 1975. 225 p.
37. Fabian J. Power and Performance. Madison: University of Wisconsin Press Publ.; 1990. 314 p.
38. Augé M. Théorie des pouvoirs et idéologie. Etude de casen Côte d'Ivoire. Paris: Hermann Publ.; 1975. 439 p.
39. Beti M. L'histoire du fou. Paris: Julliard Publ.; 1994. 212 p.
40. Onyebadi U. A Man of the People. London: Heinemann Publ.; 1986.
41. Yoga LM. Elites et société civile. V: *Le Soft de Finance*. Kinshasa, 1991. 11 nov.
42. Zagladin NV., Kholodkovsky KG., editors. Globalization and Russia: the problems of democratic development. Moscow: Russkoe slovo Publ.; 2004. 496 p. (In Russ.)
43. Zuev VN. Supranational mechanism in the system of global and regional regulation // Bulletin of international organizations. Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii. 2010;4(30):10-20. (In Russ.)

Информация об авторе

Велихан С. Мирзеханов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, д. 32А; Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21; lum62@yandex.ru

Information about the author:

Velikhan S. Mirzekhanov, Doctor in History, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; Russian Academy of Sciences Institute of World History; bld. 32A, Leninskii av., Moscow, Russia, 119334; Russian Academy of Sciences Institute of Scientific Information on Social Sciences; bld. 51/21, Nakhimovskii av., Moscow, Russia, 117997; lum62@yandex.ru